

Времени оставалось совсем немного.

Лишь после вчерашнего напоминания А-Фу Чжоу Чун вспомнил, что на выполнение задания ему отведено полгода. Если прикинуть, срок уже почти истек, и в запасе осталось всего двадцать с небольшим дней.

— Ты знаешь, каким будет наказание? — с тревогой спросил Чжоу Чун, пересчитывая на пальцах дни и понимая, что до завершения строительства дома еще очень далеко.

— Не знаю. Но вряд ли что-то серьезное, ведь системе ты еще нужен.

— ... — Услышав это, Чжоу Чун немного успокоился и погрузился в лихорадочные размышления.

За прошедшее время он усвоил одну истину: в некоторых делах можно полагаться только на себя, на одного А-Фу надежды мало.

— Я хочу устроить свадьбу раньше срока.

Услышав это решение, удивился не только А-Фу, но и Лэн Сян. Его узкие, похожие на крылья феникса глаза в мгновение ока округлились, став похожими на миндалины, что выглядело довольно забавно.

— Не стой столбом, иди готовься.

— Но дом... — Он ведь говорил, что нужно сначала достроить дом.

Лэн Сян очень хорошо запомнил те слова, но теперь Чжоу Чун говорил другое. Предложение сыграть свадьбу раньше времени не вызвало у Лэн Сяна радости — напротив, он почувствовал беспокойство. Порывистость Чжоу Чуна выбивала его из колеи.

А-Фу был прав: Лэн Сяну действительно постоянно не хватало чувства безопасности. И причина крылась в самом Чжоу Чуне — первом человеке, который жил так вольно и непредсказуемо. Хотя у Чжоу Чуна не было навыков боевых искусств, слабаком его точно нельзя было назвать.

В глазах Лэн Сяна Чжоу Чун всегда оставался загадкой, которую невозможно разгадать.

Он чувствовал, что не может удержать Чжоу Чуна: это лишь тот влиял на его решения, тогда как сам Лэн Сян не имел на него никакого влияния.

Вторая причина заключалась в чувстве вины. Лэн Сян никогда не верил, что его могут простить, поэтому всегда был готов к тому, что в любой момент окажется отвергнутым.

Если выразиться грубо: если бы Чжоу Чун приказал Лэн Сяну умереть, тот бы не проронил ни слова. Но если бы Лэн Сяну дали сто жизней, он бы ни за что не позволил Чжоу Чуну пострадать.

А-Фу: Глупый автор столько разглагольствовал, а суть в одном: у вас неравное положение.

— Ничего, сначала поженимся, — улыбаясь, настоял на своем Чжоу Чун. Как бы тонок он ни был в своих чувствах, ему не дано было до конца понять душевное состояние Лэн Сяна. Он просто считал, что после свадьбы придет чувство защищенности.

Конечно, это было спорно.

Как уже говорилось, Лэн Сян не мог влиять на решения Чжоу Чуна, ему оставалось лишь кивнуть.

— Хорошо.

Чжоу Чун поручил ему все заботы, и Лэн Сян молча принял это, первым делом отправившись за советом к соседке. Свадьба — дело важное, нельзя ударить в грязь лицом.

У соседки:

— Свадьба? Ой, какая радостная весть, поздравляю!

— Выбрали уже день? Хотите, чтобы мой старик посмотрел по календарю?

— Свадьба — дело хлопотное. Дом-то ваш еще строится, так что зовите, я помогу.

Что бы ни творилось у него на душе, поздравления и добрые слова грели сердце. Лэн Сян, никогда не водивший дружбы с местными кумушками, на этот раз набрался терпения: если не хотелось говорить, он просто слушал и кивал.

Чжоу Чун заметил, что после этого визита его глупый убийца заметно приободрился.

— Непостижимо. Когда я сам ему говорю — он не особо радуется, а стоит другим поздравить — он на седьмом небе. Не понять мне мир наемных убийц.

— Хе-хе, вот поэтому тебе нужно быть внимательнее, — откликнулся бездельник А-Фу. — Где-то

я слышал, что любовь — это война. Нужны стратегия и тактика, а сердце — это заложник. Спасешь его — победишь.

— Это смотря хочет ли сам заложник, чтобы его спасали.

— Конечно, хочет! Так что ступай и спасай его.

Чжоу-младший, горящий желанием спасти заложника, подбежал к Лэн Сяну, который был занят делами, обнял его и чмокнул в щеку:

— Что сегодня на ужин? — решил он начать с важного вопроса.

— Мясо кролика, — Лэн Сян бросил на него взгляд и продолжил работу.

Он раскладывал по красным шелковым мешочкам свадебные сладости, арахис и конфеты. Это не было обычаем рыбацкой деревни, но Чжоу Чун настоял на своем.

— Это называется свадебные сладости. Жених и невеста должны делиться ими с родными и близкими, чтобы разделить радость, — Чжоу Чун прильнул к плечу Лэн Сяна, наблюдая за его ловкими пальцами.

— М-м, — Лэн Сян не сказал больше ни слова, но выражение его лица смягчилось, а с мешочками он обращался очень бережно. Однако добавил: — Мои родные... ты...

Заметив, как он помрачнел, Чжоу Чун поспешил утешить:

— Ничего страшного, ведь у нас есть мы друг у друга. Когда обустроимся, найдем время сходить поклониться твоим родителям. А потом будем ходить каждый год в день поминовения.

Руки Лэн Сяна обвили его, сжимая ладони, и печаль вдруг отступила. На самом деле, дело было не только в его родных: за все время, что он жил с Чжоу Чуном, тот ни разу не упоминал свою семью.

— Твоих учителей... нужно навестить, — уверенно сказал он.

А-Фу напомнил Чжоу Чуну: Скажи, что они уже мертвы.

Чжоу Чун спросил: По-настоящему или они инсценировали смерть?

А-Фу: По-настоящему, иначе кто бы осмелился позволить тебе выдать себя за другого.

Чжоу Чун выдохнул с облегчением и прошептал Лэн Сяну на плечо:

— Мои учителя уже скончались. Перед смертью они выгнали меня и запретили возвращаться.

Услышав это, Лэн Сян приоткрыл рот, не зная, как утешить, и просто отложил мешочки, обняв Чжоу Чуна.

— Значит, у меня есть только ты, а у тебя — только я. Мы не расстанемся, слышишь?

— Угу, — Чжоу Чун сжал его в объятиях еще крепче, словно это дарило покой и уверенность. Он сказал, что они не расстанутся, и пообещал запомнить это.

Если в конце концов это не удастся, он будет жалеть, очень жалеть, но не будет питать ненависти.

Наверное, это и есть то самое неравенство, о котором говорил А-Фу. Если глубоко любишь человека, как можно не возненавидеть его, если он тебя предаст? Разве что ты не смеешь, не имеешь права или любишь так сильно, что готов с радостью принять даже предательство.

Кем бы ни был Лэн Сян, это вызывало грусть.

К счастью, он встретил Чжоу Чуна — странного, но надежного человека, который всегда держит свое слово.

— Лэн Сян, давай я примеришь новую одежду, — Чжоу Чун похлопал убийцу по спине и с улыбкой переоделся в красное свадебное одеяние. Оно смотрелось на нем великолепно.

Не вызывающе и не слащаво, а как-то свежо и по-доброму. Возможно, дело было в его улыбке — не той, что натягивают для вида, а искренней, чуточку дурашливой улыбке Чжоу-младшего.

— Красиво, — Лэн Сян заворуженно смотрел на него и спустя долгое время кивнул в знак согласия.

— Надевай и ты, нужно проверить, подходит ли тебе, — Чжоу Чун рассмеялся, принес одежду Лэн Сяна и заставил его переодеться.

Лэн Сян держал стопку одежды, не в силах описать свои чувства — было одновременно и кисло, и сладко, но в целом — радостно.

— Переодевайся, я хочу посмотреть, — Чжоу Чун смотрел ему прямо в глаза.

— Хорошо, — ответил он. Разве мог он отказать в чем-то, чего хотел Чжоу Чун?

— Дурачок, — Чжоу Чун медленно обнял этого мужчину, послушного, словно ребенок. — Я хочу, чтобы ты был счастлив, жил долго и не болел. Я буду с тобой всю жизнь, ни на день, ни на час меньше. Всю жизнь — значит всю жизнь.

Что бы ни случилось с заданием, он решил именно так.

Лэн Сян, скрытый от глаз Чжоу Чуна, смягчил взгляд. Его вечно холодные очи затуманились влагой. Если всё будет именно так... он тоже этого ждет.

— Раз ты счастлив, улыбнись мне, а? — внезапно попросил Чжоу-младший.

Лэн Сян был обескуражен его внезапными прихотями, к тому же он просто не умел улыбаться.

— Не можешь? Ты что, не хочешь со мной жить? — насупившись, пригрозил Чжоу-младший.

— ... — Убийце ничего не оставалось, как нелепо растянуть губы в улыбке.

— ... — Чжоу-младший сдался. Больше он его об этом не просил.

Можно было догадаться, насколько ужасной была улыбка Лэн Сяна. Чжоу Чун потребовал, чтобы завтра, на свадьбе, он сохранял свое привычное бесстрастное лицо — не хватало еще напугать соседей.

Лэн Сян лишь вздохнул. Он не специально, но его попытки изобразить улыбку всегда давали именно такой эффект.

На следующее утро они оба поднялись рано. Соседка и другие жители деревни пришли помочь.

Свадьба в деревне — это обычно большой пир для всех. Был и нехитрый обряд: поклониться небу и земле, выпить вина из чаш, связанных красной лентой, а потом вместе принимать гостей и гулять весь день.

У Лэн Сяна не было ничего, кроме денег. Стол он накрыл богатый, и подарки соседям приготовил отменные. После этой свадьбы вся деревня наконец поняла: хоть в доме и верховодит Чжоу Чун, но кормилец и настоящий мужчина — это Лэн Сян.

— А он неплохой человек, раньше я ошибалась.

— И лицом пригож, и щедр.

— Как он к Чжоу-малышу относится — просто загляденье. Вот это настоящий мужчина. Даже если есть деньги, надо слушать жену, а не по сторонам смотреть.

Чжоу Чун слышал эти перешептывания и удивлялся: когда это Лэн Сян успел стать всеобщим любимцем? Не успел он об этом подумать, как Лэн Сян потянул его за собой — обходить столы и угощать гостей.

Чжоу Чун про себя усмехнулся: и правда, человек изменился, сам пошел разговаривать с людьми и наливать вино.

Позже он услышал, что все это благодаря щедрости Лэн Сяна и его преданности — за время подготовки к свадьбе он заработал себе отличную репутацию. Это надо сказать спасибо мне, если бы я не заставил его готовиться, шанса бы не было.

— Ну же, поздравляем молодых! Желаем долгой жизни и состариться вместе! — еще одна чарка.

— Двум мужчинам жить нелегко. Мы с мужем тоже через многое прошли, всякое бывает. Мужчина должен уметь уступать! — еще одна.

— Сначала ты мне не нравился, как ты мог встретить такого замечательного человека, как Чун? Но раз вы поженились, живите счастливо, — парень покраснел и протянул чарку.

— А я, в отличие от молодежи, не буду много рассуждать. Просто мне нравится Чжоу-малыш, пью за тебя! — чарка, от которой жениху стало не по себе.

— Столько выпили, пусть молодые выпьют друг с другом, ну же...

Гости уже вовсю шумели и кричали. Но Чжоу Чун от всего сердца хотел сделать это. Он налил чашу вина и протянул Лэн Сяну:

— Жизнь коротка, столетие пролетит как миг. Мы мало что можем удержать, но я лишь надеюсь, что смогу позаботиться о тебе, Лэн Сян.

Лицо того было таким серьезным, взгляд ясным и сосредоточенным. Лэн Сян верил всему, что он говорил. Он поднял чашу, и они выпили вместе:

— Хорошо.

Ты надеешься, что сможешь позаботиться обо мне, а всё, что я могу сделать для тебя — это беречь себя.

— Я тоже пью за тебя.

Ты хочешь, чтобы я был счастлив, и однажды... я научусь этому. Я больше не буду тебя пугать и заставлять волноваться.

<http://bllate.org/book/21242/2148982>